

ИСТОРИЯ
ПОВТОРЯЕТСЯ

США

ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ЖАК
Р. ПАУЭЛС

МИФЫ
И РЕАЛЬНОСТЬ

Уроки истории

Жак Р. Пауэлс

**США во Второй мировой
войне. Мифы и реальность**

«Алисторус»

2016

УДК 94(73)"1939/45"
ББК 63.3(7Сое)

Пауэлс Ж.

США во Второй мировой войне. Мифы и реальность /
Ж. Пауэлс — «Алисторус», 2016 — (Уроки истории)

ISBN 978-5-906817-85-3

В книге, ставшей мировым бестселлером и впервые публикуемой на русском языке, канадский историк Жак Р. Пауэлс анализирует подлинную роль и цели США во Второй мировой войне и открыто отвечает на неудобные вопросы: руководствовался ли Вашингтон гуманистическими мотивами, выступая против нацистской Германии, как это принято считать за океаном, и почему многие влиятельные американцы сотрудничали с фашистскими режимами, а по окончании войны столь снисходительно отнеслись к преступникам? Чем объясняются «кровавый провал» наступления на Дьепп в августе 1942 года и печально известная бомбардировка Дрездена? Почему до сих пор на Западе и в США так мало известно о битве под Москвой в декабре 1941 года и начале контрнаступления Красной армии, а высадка союзников в Нормандии 1944 года восхваляется как сокрушительный удар по нацистской Германии? И что на самом деле заставило союзников открыть второй фронт? Автор проводит весьма убедительные аналогии между отношением американцев к «самой хорошей войне за всю историю» страны и к борьбе с терроризмом, развернувшейся после трагических событий 11 сентября 2001 года, объявленных «новым Перл-Харбором», между растиражированными клише об идеалистичных целях американцев во Второй мировой войне и их миротворческой миссией на Ближнем Востоке... История повторяется.

УДК 94(73)"1939/45"
ББК 63.3(7Сое)

ISBN 978-5-906817-85-3

© Пауэлс Ж., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Предисловие к новому изданию на английском языке	7
Предисловие: цели и методология	9
Глава 1	13
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Жак Р. Пауэлс
США во Второй мировой
войне: мифы и реальность

© Жак Р. Пауэлс, 2016

© Маленко И., перевод на русский язык, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Предисловие к новому изданию на английском языке

Эта книга была написана на нидерландском языке, точнее, на одном из вариантов нидерландского языка, распространенном в Бельгии и более известном как фламандский. Впервые она была опубликована в Бельгии в 2000 году. Англоязычное издание появилось двумя годами позже, в 2002 году. С первых лет двадцать первого века мы стали по-другому смотреть на мир, чему способствовала трагедия 11 сентября 2001 года, а также последовавшая за ней так называемая «война с терроризмом». События 11 сентября были объявлены «новым Перл-Харбором», и американская «война с терроризмом» была преподнесена – и продолжает преподноситься – властями и основными СМИ как еще одна «хорошая война», наподобие Второй мировой войны.

Однако многие люди внутри и за пределами Соединенных Штатов задаются вопросом, в чем подлинная причина «войны с терроризмом», и убеждаются, что это на самом деле, хотя и не обязательно исключительно, ресурсы, такие, как нефть, представляющая огромный интерес для трестов, связанных с бывшим президентом Джорджем Бушем, а также прибыль для корпораций военно-промышленного комплекса, например, таких, как Halliburton, тесно связанной с бывшим вице-президентом Диком Чейни, являются истинными причинами войны. В этом контексте стало легче воспринимать выдвинутый в данной книге тезис о том, что даже во время Второй мировой войны, которую в Америке пытаются представить как «хорошую войну», роль Соединенных Штатов определялась в большей степени интересами крупных корпораций и банков страны, чем теми идеалистическими мотивами, которые выдумали власти в то время и которые с тех пор эхом повторяются в средствах массовой информации, в школах и университетах, в учебниках истории и, конечно же, в голливудской продукции. Вторая мировая война, якобы «самая хорошая война за всю историю» Америки (Майкл С. С. Адамс), больше не является той «неприкасаемой» историографической священной коровой, которой она была еще десяток лет назад. Начиная с 2002 года в свет вышли многочисленные новые книги и статьи на соответствующие темы, такие, как экономическая история нацистской Германии и американское экономическое проникновение в Европу в целом и в Германию в частности. В качестве примера можно привести книгу Адама Туза «*The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy*» (2006). Самыми важными для нашей цели, естественно, были новые публикации, касающиеся сотрудничества американских корпораций с нацистским режимом Германии до и во время войны. Хорошие примеры таких публикаций – исследование Генри Эшби Тернера о фирме Opel, немецком подразделении General Motors, озаглавленное «*General Motors and the Nazis: The Struggle for Control of Opel, Europe's Biggest Carmaker*» (2005), и работа Эдвина Блэка «*Nazi Nexus: America's Corporate Connections to Hitler's Holocaust*» (2009).

Сегодня стало известно гораздо больше, чем десять лет назад, о сотрудничестве крупных корпораций и банков – не только американских, но и немецких, французских, швейцарских и т. д. – с фашистскими движениями и режимами в целом и с нацизмом в частности. (Я исследовал эти связи в книге «*Big Business avec Hitler*», изданной в 2013 году на французском языке.) Таким образом, были выявлены новые факты и толкования, подтверждающие понимание исторических событий, представленное в первом издании книги о «хорошей войне», что позволило усилить и проиллюстрировать многие из аргументов, выдвинутых в том издании книги. Конечно, это было включено в новое издание.

С другой стороны, некоторые новые данные сделали необходимой или, по крайней мере, желательной переработку некоторых частей книги. Например, в этом новом издании содержится более детальное обсуждение и более правдоподобное объяснение трагического наступления на Дьепп в августе 1942 года, в котором, и это было не случайно, в основном канад-

ские войска были принесены в жертву. Более длинная и более подробная глава в этом издании посвящена еще одной загадке Второй мировой войны, а именно печально известной бомбардировке Дрездена. Эта глава была переписана в ответ на публикацию и успех, особенно (и неудивительно) в Великобритании и Германии, довольно шумевшей книги, пытающейся реабилитировать этот ужасный, хотя, казалось бы, бессмысленный эпизод войны, а именно работы Фредерика Тейлора «*Dresden: Tuesday, February 13, 1945*», опубликованной в 2004 году. Я также счел целесообразным включить совершенно новую главу об истинном поворотном моменте во Второй мировой войне – не высадке в Нормандии, даже не титанической битве за Сталинград, а битве под Москвой осенью 1941 года. Эта относительно малоизвестная битва, и особенно начало контрнаступления Красной армии 5 декабря 1941 года, ознаменовала конец чрезвычайно успешного до того момента германского «блицкрига», или стратегии «молниеносной войны». Таким образом, она обрекла нацистскую Германию на поражение в этой войне, что поняли уже в то время не только сам Гитлер и его генералы, но также некоторые хорошо информированные иностранные наблюдатели (например, Ватикан и швейцарские спецслужбы).

Примечательно, что этот поворот в войне произошел за несколько дней до того, как США вступили в войну против нацистской Германии 11 декабря 1941 года. Надо также отметить, что поворот в войне произошел за несколько лет до высадки союзников в Нормандии в июне 1944 года, которую слишком часто и совершенно ошибочно восхваляют как начало конца для нацистской Германии. Справедливо утверждать, как мы и сделаем в данной книге, что американцы и их британские и канадские союзники высадились в Нормандии, чтобы предотвратить нанесение поражения нацистской Германии Красной армией в одиночку, полное освобождение ею Европы и то, чтобы она единолично пожинала плоды этой победы.

Примечателен также тот факт, что Америка не вступила в войну против нацистской Германии с холодной головой и открытыми глазами, но была невольна и неожиданно «втянута» в неё, как выразился популярный и знаменитый американский историк Стивен Эмброуз, именно потому, что через несколько дней после нападения Японии на Перл-Харбор Гитлер беспричинно объявил войну США.

В этой новой редакции книги были предприняты усилия прояснить обстоятельства нападения Японии на Перл-Харбор и запутанный способ, которым это событие привело к втягиванию Америки в войну против Германии. Эта книга по-прежнему фокусируется на войне против Германии, войне на «европейском театре», но в данной новой редакции гораздо больше внимания уделяется войне Америки против Японии. В отличие от войны против Германии, конфликт с Японией был очень желанным в американском истеблишменте, который ожидал получить от него большие дивиденды. Именно по этой причине война с Японией была во многом спровоцированной администрацией Рузвельта, как убедительно показал Роберт Б. Стиннетт в своей книге «*Day of Deceit: The Truth about FDR and Pearl Harbor*» (2000).

Наконец, новому изданию очень помогло то, что за примерно последнее десятилетие автор имел возможность познакомиться с очень проницательными исследованиями ряда итальянских ученых, в том числе историков и философов: покойного Филиппо Гая, автора «*Il Secolo Corto: La Filosofia del Bombardamento*», «*La Storia da Riscrivere*» (1994); Лучано Канфора «*La Democrazia: Storia di un'Ideologia*» (2008) и, прежде всего, Доменико Лосурдо, из впечатляющих опусов которого для нашей работы важнее всего оказался «*Il Linguaggio dell'Impero: Lessico dell'Ideologia Americana*» (2007). Я говорю «*Molto Grazie!*» (большое спасибо) своему итальянскому другу Сильвио Кальцаварини, который перевел книгу о «хорошей войне» на язык Данте, за то, что он обратил мое внимание на работы этих ученых.

Предисловие: цели и методология

Эта книга не является плодом кропотливых исследований, проведенных в Вашингтоне в монументальных зданиях Национального архива или других внушительных коллекций документов; в ней мало или почти совсем не использовано то, что историки именуют «первоисточниками». Более того, на страницах этой книги вы не найдете драматических откровений или доселе неизвестных фактов. Тем не менее мы надеемся, что это краткое исследование внесет что-то ценное, а именно новую и, возможно, способную вызвать удивление интерпретацию исторических фактов, которые уже известны многим из нас.

Исследования, которые в основном базируются на первоисточниках, – это практически всегда монографии, другими словами, подробный анализ исторических фактов, и они, как правило, освещают лишь небольшие фрагменты великих загадок таких сложных исторических событий, как Вторая мировая война. Научные книги и эссе, написанные экспертами-историками, являются примерами такого типа анализа, они обычно написаны не для широкой публики, для которой чтение подобных текстов часто является очень сложным, а, скорее, для коллег-ученых. О таких опусах частенько говорят, что они служат для продвижения границ исторического знания. Такие монографии действительно могут быть очень полезны, но они редко, а то и вообще никогда не предлагают всеобъемлющий обзор или более или менее убедительную интерпретацию крупной исторической проблемы во всей ее сложности; они показывают нам не загадку в целом, а только ее части.

Следовательно, нам нужен не только анализ, но и другой тип исторического исследования – синтез. Такие исследования гораздо менее заинтересованы в деталях, чем в общей картине исторической драмы. В отличие от анализа, синтез действительно предлагает обзор и интерпретацию; он основывается, скорее, на вторичных, а не на первичных источниках, на существующих аналитических данных, а также на том, что социологи именуют «парадигмой», то есть общей теорией, которая вдохновляет толкования.

Данное исследование не анализ, а стремление к синтезу. Это попытка предложить относительно короткий эскиз, а также последовательную интерпретацию роли Соединенных Штатов во время Второй мировой войны. Эта интригующая и важная тема уже была предметом многочисленных работ в духе синтеза в течение последних двадцати лет в самой Америке. Настоящее исследование, однако, отличается во многих существенных отношениях от «ортодоксальных» обзоров истории Второй мировой войны в целом и роли Соединенных Штатов в этом конфликте. Прежде всего, мы утверждаем, что действия Соединенных Штатов или, точнее, политических и экономических кругов, обладающих властью в Америке в военное время, не руководствовались прежде всего идеалистическими мотивами, как это принято считать. Подавляющее большинство общепринятых работ типа синтеза, посвященных роли Соединенных Штатов во Второй мировой войне, являются типичными примерами работ так называемой истории, «которая позволяет себя хорошо чувствовать». Этот термин относится к душещипательной исторической литературе, которая стремится подтвердить то, что средний американец сначала слышит во время учебы в школе, а затем в течение жизни слышит снова и снова от СМИ своей страны: что во время Второй мировой войны якобы идеалистические США взяли на себя руководство «крестовым походом» за демократию и против диктатуры и победили в этом «крестовом походе» практически в одиночку. Настоящее исследование не подпадает под эту категорию. Оно не принадлежит к тому, что британский историк Николай Толстой назвал школой военной историографии «труб и барабанов». Вместо этого оно ставит сложные вопросы и указывает на то, что американский политолог Майкл Паренти назвал «грязными истинами», вместо того, чтобы ограничиваться рамками приятных и удобных фактов¹. Этот тип интерпретации встревожит некоторых читателей; другие, как хочется надеяться, примут

его и найдут его освобождающим. Цель данного исследования – бросить вызов читателям и заставить их размышлять. Кроме того, в отличие от «ортодоксальных» работ, которые, как правило, рассматривают войну как проблему международных отношений и часто лишь как почти чисто военное мероприятие, данное исследование предлагает взгляд с точки зрения политической экономики. Это попытка объяснить чрезвычайно важную роль, которую играли Соединенные Штаты во время Второй мировой войны, в свете экономических, социальных и политических устремлений, трудностей и возможностей для их лидеров. Следовательно, большое внимание уделяется, например, взаимосвязи между внутренними социальными и экономическими проблемами Америки и международной дипломатией и военной стратегией Вашингтона.

Есть и еще различия между этой книгой и общепринятыми исследованиями роли Соединенных Штатов в большом Армагеддоне двадцатого века. Не только сама война находится в центре нашего внимания, но также и важные довоенные, и даже послевоенные события. Другими словами, в этой книге прослеживается хронологическая взаимосвязь. В ней подчеркивается преемственность между 1920-ми, 1930-ми годами, годами самой войны и послевоенной эпохой, в том числе относительно недавними событиями, такими, как воссоединение Германии. В ней автор пытается ответить на такие вопросы, как: почему так много влиятельных американцев симпатизировало фашизму до войны? Почему прошло столько времени, прежде чем Америка наконец-то вступилась за демократию против нацистской Германии? И почему для Соединенных Штатов потребовалось японское нападение на американское владение, Гавайи, чтобы оказаться случайно втянутыми в войну против нацистов Германии, вместо того чтобы намеренно вступить в такую войну?² Действительно, ведь это нацистская Германия объявила войну США, а не наоборот. Что касается послевоенной эпохи, то почему американские политики не искоренили все формы фашизма в Германии и других странах после 1945 года? Почему они выбрали вместо этого противостояние антифашистам? Кроме того, это исследование также сосредоточит внимание на огромном влиянии войны на американское общество, на роли Америки в послевоенном мире вообще и американских отношениях с Германией и Советским Союзом в частности. Например, будет показано, что в некоторых отношениях военные цели американских лидеров были полностью реализованы лишь в конце «холодной войны». Разделение Германии на два антагонистических государства и в конечном итоге их воссоединение будут проанализированы в этом контексте. Читатели, несомненно, будут поражены непрерывностью и последовательностью политики довоенной, военной и послевоенной политики Вашингтона внутри своей страны и за рубежом. Это политика, которая руководствуется в первую очередь не идеалами свободы, справедливости и демократии, а интересами американской промышленности, «большого бизнеса» и финансов – другими словами, правящей элиты Америки.

На каких аналитических материалах и на какой парадигме базируется данное исследование? Ни одно подобное исследование не способно охватить все те аналитические данные, которые когда-либо были опубликованы по такой сложной теме. Каждое исследование-синтез неизбежно базируется на ограниченной выборке доступных аналитических материалов, и наша работа не исключение. Для работы над этой книгой мы избирательно использовали не только чисто исторические анализы, но также исследования в области экономики и политических наук и внутри – и междисциплинарные эссе, опубликованные не только в Северной Америке и Великобритании, но также в Германии, Франции, Италии и других странах.

На этот необычный синтез нас вдохновила прежде всего серия оригинальных и спорных исторических исследований, проведенных преимущественно в начале 1960-х годов, но в некоторых случаях также и в последние годы, – исследований, которые до сих пор не были использованы в целях написания обзора роли Соединенных Штатов в ходе Второй мировой войны. В этом разнородном семействе исследований мы находим, прежде всего, работы так называемых

«ревизионистских» историков, которые стали известными в Америке во время войны во Вьетнаме. Ревизионисты, такие, как Уильям Эпплман Уильямс и Гэбриэл Колко, привлекли внимание своей критической точкой зрения на американскую внешнюю политику до, во время и после Второй мировой войны, в начале «холодной войны» и во время войны во Вьетнаме. Другим известным ревизионистом является Гар Альперовиц, чье тщательное исследование американской «атомной дипломатии» в 1945 году вызвало определенное волнение в Соединенных Штатах в 1995 году – по случаю пятидесятой годовщины уничтожения Хиросимы³.

Термин «ревизионист» вызывает некоторую путаницу, потому что он также используется для описания всех тех, кто стремится «пересмотреть» историю Второй мировой войны и нацистской Германии в том смысле, что они отрицают историческую реальность холокоста. Однако американские историки-ревизионисты, для которых более подходящим было бы название «радикальные историки», не имеют абсолютно ничего общего с теми, кто стремится свести на нет холокост и реабилитировать Гитлера. Историки, которые инициировали это исследование, являются ревизионистами в том смысле, что они участвуют в критической экспертизе исторической роли Соединенных Штатов вообще и ее роли во Второй мировой войне в частности. Таких ревизионистов можно также найти за пределами Соединенных Штатов. В Германии, например, очень интересные критические исследования малоизвестной роли Америки в оккупации и послевоенном разделении этой страны были опубликованы в 1990-е годы.

Тесные, неафишируемые, но высокодоходные связи, которые крупные американские корпорации, такие, как Coca-Cola, IBM, Ford, General Motors, и ИТТ, поддерживали со своими дочерними фирмами и (или) немецкими фирмами-партнерами в гитлеровской Германия до Второй мировой войны и которые продолжали играть важную роль во время и после войны, не получили достаточного внимания со стороны историков. Такая научная скрытность имеет, несомненно, много общего с тем, что влиятельные корпорации, участвовавшие в сделках с нацистами, предпочитают держать это под закрытой крышкой ящика Пандоры. Тем не менее некоторые неопровержимые исследования по этой болезненной теме были опубликованы, в том числе «*Trading with the Enemy*» Чарльза Хигема, «*Chrome Colossus*» Эда Крея, «*Working for the Enemy*», написанная немецко-американской группой исследователей: Рейнгольдом Биллштейном, Каролой Фингс, Анитой Куглер и Николасом Левисом, и «*IBM and Holocaust*» Эдвина Блэка. Их выводы также были приняты во внимание в данной работе. Хотя многие – но далеко еще не все – факты американского корпоративного участия в промышленности и экономике нацистской Германии уже известны, данное исследование особое внимание уделяет причинам такого сотрудничества и его последствиям для внешней политики Вашингтона. Наше исследование вдохновили вышеупомянутые работы, и мы разделяем не только их критический взгляд на политику, проводимую американскими лидерами во времена мира и войны, но и некоторые аспекты их методологии. Для того чтобы найти объяснение сложным и иногда неоднозначным историческим событиям, нужно ответить на вопрос, который часто задает сыщик во время своих расследований, а именно: кому это выгодно? *Cui bono?*

Не только историки, но и критически настроенные американские политологи оказали большое влияние на нашу работу. Два примера: С. Райт Миллс, автор классического исследования политической, социальной, экономической и военной элиты Америки, и Майкл Паренти, известный политический инакомыслящий, ученый из Калифорнии, который развеял множество мифов американской политики и истории в таких своих книгах, как «*Democracy for the Few*». Ноам Хомский также заслуживает упоминания здесь: в своих междисциплинарных работах он обращает внимание на исторический вклад Америки в развитие современной мировой экономики, в которой Вторая мировая война представляет собой чрезвычайно важный этап. Хомский просит нас, например, сопереживать народам третьего мира: для них этот мировой конфликт выглядел как кровавая разборка между разбойниками, воевавшими за территориальную добычу вроде Гонконга и Перл-Харбора, которые эти разбойники – колониальные дер-

жавы – вырвали у третьей стороны⁴. Идеи Хомского, Уильямса, Колко и прежде всего Паренти вместе составляют парадигму, общую теорию, на которой основано данное исследование: развитие капиталистического хозяйства Соединенных Штатов Америки требует, чтобы американские социальные, экономические и, соответственно, политические элиты последовательно проводили свои классовые интересы у себя дома и за рубежом с помощью демократов или диктаторов, мирными средствами или с применением насилия и без особого учета ценностей демократии, свободы и справедливости, которые Америка якобы так яро защищает.

Это исследование не является идеально объективным, да это и неизбежно, ведь его тема – не физическое явление вроде движения планеты вокруг Солнца, другими словами, не феномен такого рода, который можно полностью объективно исследовать, что долгое время считали возможным, пока Гейзенберг не показал иллюзорность подобной веры. Наше исследование фокусируется на исторической драме, от которой не просто дистанцироваться, драме, к которой невозможно отнестись с совершенно прохладной объективностью. Полностью объективных исторических интерпретаций просто не существует. Однако в отношении объективности у данного исследования есть некоторые скромные заслуги. Во-первых, многое из того, что претендует на объективность, в реальности не более чем, как пишет Паренти, «установленное знакомство и единодушие в предвзятости», «ортодоксальность доминирующей точки зрения, которая выставляется напоказ как объективная»; от подобной ложной объективности эта книга гарантированно полностью свободна⁵. Кроме того, читатель, несомненно, будет рад заметить отсутствие откровенной субъективности, которая была так характерна для большинства работ основного течения в исторической науке эпохи «холодной войны», когда некоторые вещи просто нельзя было сказать. Например, в настоящее время автор может упомянуть тот бесспорный исторический факт, что Советский Союз внес наибольший вклад в победу союзников над фашистской Германией, без того, чтобы прослыть за это марионеткой Москвы. Гораздо более объективный взгляд на историю Второй мировой войны стал возможным после окончания «холодной войны», и эта большая объективность, как мы надеемся, отразилась на страницах этой книги.

Но достаточно об объективности. Исследованию-синтезу присущи и другие качества, которые важно упомянуть. Во-первых, толкование нацелено на большую свободу от противоречий, оно должно быть максимально последовательным. Во-вторых, мы вправе рассчитывать, что новая интерпретация объяснит нам некоторые события и обстоятельства, которые было нельзя или трудно истолковать в свете других интерпретаций. Другими словами, важнейшим качеством любого исследования-синтеза является его убедительность в сравнении с другими работами. Каждый читатель должен решить для себя, насколько убедительна наша интерпретация по сравнению с другими.

Наконец, надо отметить, что это исследование, помимо всего прочего, в значительной степени является результатом долгих дискуссий – с преподавателями и студентами североамериканских университетов, с друзьями и незнакомыми людьми в барах и самолетах, с другими попутчиками – иногда ветеранами войны – во время посещения мест сражений и воинских кладбищ, от Монте-Кассино до Нормандии и Перл-Харбора, концентрационных лагерей, таких, как Бухенвальд, и других памятных мест Второй мировой войны. Именно благодаря таким дискуссиям образ Второй мировой войны в целом и роль Соединенных Штатов в частности претерпели постепенное изменение и начали все более отличаться от традиционной интерпретации, которая и так многократно предлагается – пусть и с небольшими вариациями – в широко распространенных исследованиях. То есть в этой книге Вторая мировая война представлена не в обычной манере – как «хорошая война», как великий американский «крестовый поход» против фашизма и милитаризма, но как конфликт, в котором на карту были поставлены деловые интересы, деньги и прибыль.

Глава 1

Введение. Америка и миф о «великом крестовом походе»

Всем известно, что Соединенные Штаты внесли большой вклад в победу союзников над немецким фашизмом, в разгром европейского фашизма в целом и, конечно, в разгром японского милитаризма. Не менее известным является тот факт, что значительная часть Европы была освобождена самими американцами. В силу этого та благодарность и доброжелательность, которыми они могли наслаждаться в послевоенной Европе, конечно, не были незаслуженными. Но почему Соединенные Штаты действительно вступили в эту войну? Многие, если не большинство европейцев, никогда не узнают ответ на этот вопрос ни в начальной, ни в средней школе: история, которая там преподается, предпочитает уделять внимание славным деяниям Цезаря, Колумба и других героев из далекого и, следовательно, безопасного прошлого, а не потрясшим нашу Землю драматическим событиям близкого XX века. В любом случае европейские школьники никогда не узнают многого из истории – давайте признаемся в этом – важной, но далекой от нас страны – Соединенных Штатов Америки, края ковбоев и индейцев, бандитов и кинозвезд, и не в последнюю очередь страны, о которой так часто утверждают – утверждают совершенно ошибочно, но с полной уверенностью, – что у нее вообще-то не слишком много истории.

Что мы знаем или, точнее говоря, предполагаем: о роли Соединенных Штатов во время Второй мировой войны, мы, кажется, узнали прежде всего от Голливуда, то есть от американской киноиндустрии. Бесчисленные популярные фильмы на военную тематику, снятые в Голливуде пятидесятых и шестидесятых годов, такие, как эпос о дне высадки союзников в Нормандии, 6 июня 1944 года, – «Самый длинный день», распространяют без каких бы то ни было нюансов, но зато очень эффективным способом идею, что идеалистичные США вступили в войну ради восстановления свободы и справедливости в Европе и почти во всем мире⁶. Уже во время самой войны именно так американские власти начали представлять причины участия в войне американскому народу и всему остальному миру. Генерал Эйзенхауэр, главнокомандующий армии западных союзников в Европе, любил описывать вмешательство его страны во Вторую Мировую войну как «великий крестовый поход», а президент Франклин Д. Рузвельт говорил о войне, в которой Америка якобы боролась за такие ценности, как свобода, справедливость и даже, как он однажды выразился со всей искренностью, «наша религия»⁷.

Как правило, принято считать, что военные цели США и их трансатлантического британского партнера лучше всего представлены в Атлантической хартии – документе, с которым совместно выступили американский президент Франклин Д. Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль во время их встречи на линкоре в прибрежных водах Ньюфаундленда 14 августа 1941. В тот момент Вашингтон, хотя и не находился официально в состоянии войны, действовал как де-факто союзник Великобритании из-за его активной моральной и материальной поддержки англичан. В этой «хартии» два партнера заявили, что они выступают против нацистской Германии ради самоопределения всех народов и ради так называемых «четырех свобод», а именно свободы слова, свободы религии, свободы от нужды и свободы от страха.

Тем не менее к этим красивым (и очень неопределенным) словам нельзя относиться с доверием. Вашингтон и Лондон явно не были намерены позволить населению своих собственных колониальных (или полуколониальных владений) и протекторатов, таких, как Британская Индия или находящиеся под американским гнетом Филиппины, пользоваться всеми

этими свободами. В любом случае провозглашение Атлантической Хартии послужило поводом для запуска в оборот идеи о том, что Америка вместе со своим британским союзником якобы боролась за свободу и справедливость, и эта идея активно начала распространяться в последовавшие за встречей союзников у побережья Ньюфаундленда месяцы и годы. Иллюстрация, созданная популярным американским художником Норманом Роквеллом, послужила в качестве важного инструмента в этом мифотворческом процессе. Сентиментальное изображение Роквеллом «четырех свобод» впервые появилось в популярном журнале “Saturday Evening Post”, и миллионы копий были впоследствии распространены в Америке и за рубежом в виде плакатов, которые тогда еще были очень важным средством пропаганды.

Бесчисленное множество людей, причем не только американцев, таким образом, пришло к выводу, что Соединенные Штаты решили осуществить «божественную миссию, чтобы спасти мир», как заявил философ и историк И. Берлин, бывший в то время британским дипломатом в Вашингтоне, в своем докладе в Лондоне⁸. Таким образом, официальный дискурс породил официальную «истину», или, скорее, официальную мифологию, в соответствии с которой чисто идеалистические мотивы определили роль Соединенные Штаты во время Второй мировой войны.

Такая мифология широко распространилась по всему миру во время и после войны не только благодаря плакатам Роквелла, голливудским фильмам на военную тематику, многочисленным американским документальным фильмам о Второй мировой войне и таким американским изданиям, как “The Saturday Evening Post”, “Life”, и читателям «Дайджеста». В странах, которые на самом деле были освобождены американцами, драматические слова Рузвельта и Эйзенхауэра о свободе и справедливости нашли заинтересованный отзыв в официальном языке местных высокопоставленных лиц, используемом ежегодно во время празднований под сенью американских военных мемориалов в Нормандии, в бельгийских Арденнах и в других местах. Подобные «проповеди» также служат для закрепления той же самой «удобной» официальной «истины» в сознании многих благодарных граждан и усердных школьников, которые с верой и правдой присутствуют на этих церемониях.

Американские (а также британские и канадские) ветераны войны, посещающие такие церемонии, как правило, польщены такой официальной похвалой. Тем не менее сделанные в неформальной обстановке, иногда даже циничные замечания ветеранов войны показывают, что они, безусловно, не шли на войну из-за каких бы то ни было идеалистических побуждений. Кроме того, из устных рассказов, таких, как история американского автора Стадса Теркеля, а также из ряда замечательных исследований мотивации и поведения американских солдат во время войны также становится ясно, что обычные американские солдаты – так называемые «джи-аи» – взяли в руки оружие по самым различным причинам, но, безусловно, не из желания уничтожить фашизм и милитаризм и восстановить демократию и справедливость в Европе, как уверяет официальная мифология.

Накануне Второй мировой войны большинство американцев просто не были настроены на крестовый поход против фашизма в целом и ее немецкую разновидность – гитлеровского национал-социализма (нацизма) – в частности. Они мало или вообще ничего не знали обо всех этих европейских «измах», а самим им непосредственно фашизм не угрожал. Не волновал их и милитаризм, будь то немецкий или японский: в конце концов, в самих Соединенных Штатах милитаризм и насилие традиционно прославлялись, а не осуждались. Джи-аи, кстати, позже жаловались, что они впервые познакомились с фашистской (или, по крайней мере, квазифашистской) практикой именно в своей собственной армии в виде ежедневных мелких унижений и плохого обращения, того, что стало известно как «дедовщина»⁹. Большинство американских солдат также мало знали о людях и странах, которые они освободили, да и не интересовались ими.

Знаменитый генерал Паттон – способный военачальник, который, однако, стралал манией величия и терроризировал своих солдат масштабной дедовщиной, был совершенно точно не единственным американцем, который проявлял больше сочувствия к немецким гражданам и военнослужащим, чем к голодным, больным и грязным изможденным людям, с которыми американцы столкнулись в концлагерях¹⁰.

Предыдущему поколению американцев внушали, что Первая мировая война была «войной за то, чтобы покончить со всеми войнами», или, как заявил президент Вильсон, «войной за демократию». Однако исход ужасной резни показал всю ложь этой красивой фразеологии, и мировоззрение разочарованной Америки в двадцатые и тридцатые годы было поэтому решительно антивоенным¹¹. Поколение американцев, на долю которого выпало участвовать в «Великой войне», больше не было восприимчивым к идеалистическим фразам Вильсона, которые теперь хлынули из уст Рузвельта и Эйзенхауэра. Люди этого поколения на самом деле не знали, за что они боролись; на идеологическом уровне его представители боролись, как выразился американский историк (и ветеран войны) Пол Фасселл, «в вакууме». Он же пишет: «Войска на поле битвы не были настроены ни возвышенно, ни низменно. Они вообще не были никак настроены». Американские солдаты не хотели этой войны, и они не хотели бороться за красивые идеалы свободы, справедливости и демократии, они боролись, чтобы выжить, чтобы выиграть войну, для того, чтобы положить ей конец, для того, чтобы иметь возможность оставить армию, для того, чтобы иметь возможность вернуться домой. Когда они слышали идеалистическое объяснение войны, они, как правило, отвечали на это выразительным и кратким: “Чушь!” Солдатами руководила абсурдная, но неотразимая логика, – как пишет Фасселл. – Чтобы попасть домой, надо было закончить войну. Завершение войны было причиной того, ради чего вы воевали. Единственной причиной»¹². Тот же мотив пронизывает фильм «Спасти рядового Райана», в котором один из американских солдат замечает, что они боролись «за право вернуться домой»¹³. У большинства американского гражданского населения тоже не было четкого представления, о чем, собственно, шла речь в этой войне. Опрос Гэллапа сентября 1942 года показал, что 40 процентов американцев вообще не имели понятия, почему их страна была вовлечена в войну, и что менее чем одна четверть американцев вообще когда-либо слышала об «Атлантической хартии». Только 7 процентов смогли назвать одну из перечисленных в ней «четырёх свобод». Для американского народа война была не крестовым походом за свободу и демократия, а просто, как писал журнал «Fortune», «болезненной необходимостью», прискорбной, но неизбежной неприятностью¹⁴.

На самом деле неважно, что думали американские солдаты или гражданское население, потому что их мнение не играло роли в процессе принятия решений, которые привели к вступлению их страны в Вторую мировую войну. Соединенные Штаты представляют собой демократию в том смысле, что американским мужчинам и женщинам время от времени позволяется избрать республиканских либо демократических кандидатов на пост президента и в члены Конгресса; они на самом деле пользуются этим правом, если для них имеют значение зачистую весьма тонкие различия между двумя политическими партиями, но это явно относится к не очень-то высокому проценту американцев. В любом случае существование избирательного ритуала не означает, что рядовые граждане США имеют большое влияние в коридорах власти в Белом доме, Капитолии, Пентагоне или где-нибудь еще в Вашингтоне. Решения американского правительства, касающиеся внутренней и внешней политики, как правило, являются лишь весьма бледным отражением мнений и интересов простых американцев.

С другой стороны, было бы также неверно полагать, что президент монополизирует процесс принятия решений, подобно всемогущему диктатору, хотя он широко считается «самым влиятельным человеком на Земле». В действительности американские президенты пользуются гораздо меньшей властью, чем обычно предполагается; они не могут рассчитывать даже на

автоматическую поддержку членов их собственной партии в Палате представителей и Сенате, и они также должны принимать во внимание мнения генералов Пентагона, влиятельных членов кабинета, высокопоставленных чиновников, СМИ и различных мощных лоббистских групп. Кроме того, уже не секрет, что ФБР и ЦРУ зачастую преследуют официальные и неофициальные американские политические цели дома и за рубежом, иногда без ведома «арендатора» Белого дома. Поэтому американская политика во время войны не должна объясняться как в первую очередь зависящая от личных мотивов и целей президента Рузвельта, как это обычно делается многими историками, которые до сих пор придерживаются распространенного в девятнадцатом веке понятия, что «великие люди» определяют ход истории¹⁵. Этот вид исторических исследований недостаточно принимает во внимание неназванные экономические и социальные факторы, которые для отдельных лиц – «великих людей», таких, как Наполеон, Гитлер, Черчилль или Рузвельт, дают возможность играть ведущую роль в исторической драме того или иного определенного периода. История, таким образом, слишком часто вырождается в биографии. Данная работа, в отличие от них, исходит из того, что история, скорее, определяет, кто станет великими людьми, чем великие люди определяют курс истории. Поэтому мы стремимся понять роль Америки во Второй мировой войне в свете внутренних сил в американском обществе, чья важность далеко превосходит любого, даже важного, по общему признанию, президента, например, Рузвельта.

В Америке важные общественно-политические решения не принимаются ни президентом в одиночку, ни американским народом в целом. Как писал Майкл Паренти, Соединенные Штаты можно определить, как «демократию для немногих», то есть государство, которое во многих отношениях выглядит как демократия, но в котором за веревочки дергает лишь небольшая группа обладающих властью, как правило, очень богатых людей. То, что Америка делает или не делает, как правило, отражает и продвигает интересы политической, социальной, экономической и военной элиты страны – того, что описывается как «правлящая элита» в одноименной книге Ч. Райт-Миллса, хорошо известного социолога, который преподавал в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Как писал Миллс, члены этой правящей элиты власти «правят крупнейшими иерархиями и организациями современного общества. Они правят подлинным треугольником власти». Но в то время как Миллс, как правило, считает, что все «отряды» правящей элиты – «войки», «политиканы», «корпоративные богачи» и так далее – примерно равны по своей власти и важности, данное исследование подчеркивает ведущую роль экономических интересов и, следовательно, элиты экономической. С нашей точки зрения, правящая элита США мотивируется прежде всего экономическими интересами, интересами бизнеса, и ее подлинными нервными центрами являются крупные американские корпорации, такие, как Ford, General Motors (GM), ИТТ и IBM, которых часто коллективно именуют «большой бизнес». Эти крупные корпорации пользуются огромным влиянием в Вашингтоне, и не будет преувеличением сказать, что во многом американское государство, прежде всего, служит их потребностям и продвигает их интересы. Учитывая, что правящая элита США действует прежде всего в интересах американских корпораций, Соединенные Штаты, действительно, можно назвать «корпоративным государством», как пишет Майкл Паренти. Так обстояли дела уже задолго до Второй мировой войны, в двадцатые годы, когда президент Калвин Кулидж категорично, но откровенно заявил, что «дело Америки – это бизнес».

Каковы интересы промышленности Америки, предприятий Америки, корпораций страны? И как американское государство должно их защищать и продвигать? Сегодня, как и в прошлом, руководители корпоративной Америки ожидают, что внутренняя и внешняя политика их страны будет направлена на удаление ограничений на все виды бизнеса так, чтобы держать американских рабочих как можно более послушными, чтобы они работали за как можно более низкую заработную плату, чтобы она обеспечивала источники сырья, а также рынки сбыта для американской продукции и сводила к минимуму риски отечественной и зару-

бежной конкуренции, и так, чтобы американские корпорации (и индивидуальные предприниматели) могли получать максимально возможные прибыли. В других странах крупный бизнес ожидает аналогичной политики от своего политического руководства такой же преданности делу получения прибыли и так далее. То же самое ожидается от наднациональных бюрократических организаций, таких, как Европейский союз, которые взяли на себя многие, если не все, важные функции национальных правительств, избираемых более или менее демократически и, следовательно, не абсолютно надежных с корпоративной точки зрения. Тем не менее нет, пожалуй, ни одной крупной страной в мире, где бизнес имел бы столько же влияния на правительство, как в Соединенных Штатах, и где правительство так старалось бы обеспечить бизнесу «полную свободу», где капитализм был бы настолько же, по-настоящему «неограниченным». И несмотря на это представители американского бизнеса не перестают жаловаться, что Вашингтон недостаточно чувствителен к их корпоративным ожиданиям.

Естественно, что в рядах правящей элиты есть различия во мнениях (как это было и в тридцатые, и сороковые годы) о том, как лучше всего достигнуть эти корпоративные цели, о том, как государство может лучше служить делу получения прибыли, делу «накопления капитала». Как и везде в мире, бизнес в США не является монолитным, но разделен внутри самого себя не только на бесчисленные предприятия, большие и маленькие, но и, что более важно, на фракции с конфликтующими интересами и потому очень разными мнениями о всевозможных вопросах внутренней и внешней политики. (Некоторые авторы употребляют в этом отношении термин «элитный плюрализм»). Так, в 1939 году некоторые фракции корпоративной Америки считали, что они выиграют от продолжения нейтральности, а другие ожидали преимущества от союза с Великобританией. Традиционное соперничество между Республиканской и Демократической партиями также отражает важное различие между теми, кто ожидает «спасения» от последовательного применения принципов невмешательства, и теми, кто верит в мудрость более интервенционистского и социально ориентированного курса государственной политики.

Учитывая эту фрагментацию американского бизнеса и давление на лиц, определяющих курс государственной политики, из других источников, таких, как профсоюзы и средства массовой информации, и полученные в результате этого уступки и компромиссы, ни внутренняя, ни внешняя политика Вашингтона никогда не приведет в восторг все существующие бизнес-группировки. Вместо этого она постоянно подвергается всевозможной критике. Американское правительство просто не может удовлетворить бизнес независимо от того, как старательно оно пытается это сделать, но именно из-за этого менее вероятно, что широкая общественность сможет заметить, как политика Вашингтона, будь то выработанная республиканцами или демократами, последовательно стремится служить корпоративным интересам. И поэтому американскому народу так легко внушить официальную мифологию, которая провозглашает, что его политическая система плюралистическая, в которой все заинтересованные группы – бизнес, профсоюзы, фермеры и так далее – вносят примерно равный вклад в общественно-политический процесс таким образом, что власть широко рассредоточена, а не сконцентрирована в руках элиты¹⁶.

Данное исследование ставит своей целью объяснить, почему и как после войны, которая разразилась в Европе в 1939 году, интересы правящей элиты Америки поначалу лучше удовлетворялись нейтралитетом, но в конечном итоге еще лучше послужило им активное участие Америки в войне. Наше внимание будет, таким образом, сосредоточено на решающих экономических и социальных вопросах, которые стояли перед Америкой в тридцатые и сороковые годы, наполняя правящую элиту этой страны страхами, но также и надеждами, которые определили курс внутренней и внешней политики Вашингтона и в конечном итоге привели к войне с Японией и Германией. Наиболее важные военные события будут представлены и объяснены в рамках этой структуры, но не будут рассматриваться в этой книге подробно; поклонники боевых мелочей смогут найти их – вместе с обилием иллюстраций – в бесчисленных публика-

циях, которые почти исключительно посвящены военным аспектам Второй мировой войны и освещают их с американской точки зрения.

Те, кто изучал историю Второй мировой войны с помощью дидактического материала, доступного в Голливуде и из «Reader's Digest», возможно, воспримут это исследование как антиамериканское, но в действительности это не так. Прежде всего, данная работа основывается – но никоим образом не исключительно – на американских источниках, и вдохновение, основная парадигма, большинство данных и многие конкретные сведения были почерпнуты нами у американских авторов. Кроме того, эта книга является отнюдь не обличительной проповедью против США как таковых и, конечно, не против американского народа, то есть мужчин и женщин, гражданских лиц и солдат, которые принесли жертвы для победы в этой титанической борьбе с крайне опасным врагом. Напротив, симпатия к тем невоспетым героям на самом деле является здесь важным лейтмотивом. Это исследование, действительно, предлагает очень критический взгляд на роль правящей элиты США и политику, проводимую американским правительством до, во время и даже после Второй мировой войны. Это также далеко от антиамериканизма, потому что сами американцы не устают критиковать действия своего правительства и роль политической, социальной и экономические элиты страны, которая имеет такое огромное влияние на эти действия. Очевидно, что нельзя назвать «антигерманским» осуждение политики нацистов, которые правили этой страной с 1933 по 1945 год, что критика Франко не является «анти-испанской» и так далее. Также критически рассматривается здесь мифология о роли Соединенных Штатов в войне, мифология, которая спустя более полувека после окончания потрясшего весь мир конфликта по-прежнему распространяется в качестве «официальной правды» не только в самой Америке, но и в Европе, и практически по всему миру. Возможно, эта официальная «правда» может польстить какой-то части честолюбивых американцев, но в действительности она не оказывает услуги США, и поэтому ее нельзя считать проамериканской. Причина этого заключается в том, что Америке полезнее было бы бросить критической и реалистичный взгляд на ее собственную недавнюю историю, чем верить в мифы и иллюзии. Это также относится к Германии и Японии, странам, которые часто упрекают – в частности, это делают американские чиновники, ученые и журналисты – за их нежелание участвовать в критическом историческом самоанализе в отношении Второй мировой войны. Эта война определенно была не простым противостоянием черного и белого, добра и зла, а сложной исторической драмой, из которой ни один из ее участников не вышел с «чистыми руками», хотя очевидно, что по сравнению с беспрецедентными преступлениями нацистов проступки их антагонистов представляют собой лишь незначительные нарушения. Следовательно, она обязывает не только побежденных, но и победителей, в том числе американцев, критически относиться к своей военной истории. И автоматическое осуждение критического анализа роли Америки во Второй мировой войне как «антиамериканского» так же неверно, как и быстрое осуждение не критического, «позволяющего себя хорошо почувствовать» проамериканского взгляда. Наконец, в нынешнюю эпоху глобализации, истоки которой будут прослежены в этой книге во Второй мировой войне, нас всех глубоко затрагивает политика единственной сверхдержавы в мире; и потому то, какую позицию мы займем, хотелось бы надеяться, сможет каким-то образом повлиять на эту политику. Поэтому это не только наше право, но и наша обязанность тщательно и критически изучать ту роль, которую сыграл Вашингтон на сцене недавней мировой истории.

Глава 2

Находящаяся у власти в Америке элита и фашизм

Обоснованно или неправомерно, но Соединенные Штаты уже давно считаются – и сами считают себя – колыбелью свободы и демократии. В силу этого понятно, почему традиционная историческая наука, как правило, предполагает, что в кризисе, кульминацией которого стала Вторая мировая война, Америка с самого начала была на стороне свободы, демократии и справедливости, противостояв фашистской диктатуре, хотя почему-то она не вступила в войну вплоть до довольно поздней ее стадии. И хотя бесчисленное множество людей по обе стороны Атлантического океан принимают эту точку зрения просто потому, что она вызывает у них такие приятные чувства, более внимательное рассмотрение проблемы показывает, что историческая реальность этому совершенно не соответствует.

Прежде всего, хотя американские власти всегда заявляли о своей любви к демократии в теории, они частенько проявляли предпочтение диктатуре на практике. В одной только Латинской Америке, задолго до Второй мировой Войны, смогли начать свою длительную карьеру благодаря активной поддержке, полученной ими от дяди Сэма, многочисленные диктаторы, такие, как Трухильо (в Доминиканской Республике) и Сомоса (Никарагуа). Более того, даже после Второй мировой войны и травмирующего опыта с фашистами вроде Гитлера и Муссолини, в то время, когда Америка стала лидером международного сообщества, с гордостью именующего себя «свободный мир», Вашингтон вполне терпимо относился к присутствию в этом сообществе таких жестоких гражданских и военных диктатур, как, например, в Испании, Португалии, Греции, Турции, Иране, на Тайване, в Индонезии, на Филиппинах, в Аргентине и Чили (а также в Южной Корее. – Прим. перев.). В действительности многие из этих диктаторских режимов были бы не в состоянии выжить так долго, как им это удалось, без активной поддержки американского правительства и его «экспертов по борьбе с повстанцами»¹⁷.

Перейдем к делу немецких и итальянских фашистских диктатур в тридцатые годы, которые имеют гораздо большее отношение к теме данной работы. К сожалению, эти диктатуры пользовались гораздо большей симпатией и даже восхищением в Америке, чем обычно принято считать, причем не только в тридцатые годы, но и вплоть до самого момента провозглашения Гитлером войны против США в конце 1941 года. Вряд ли является секретом, что многие американцы немецкого или итальянского происхождения обожали фюрера и дуче. Гораздо меньше известно, однако, о том, что фашизмом была очень увлечена католическая часть американцев и, что более важно, американская верхушка.

На миллионы американских католиков – большинство из них ирландского, польского и итальянского происхождения, – несомненно, повлиял пример Рима. Уже в двадцатые годы Ватикан с энтузиазмом одобрил режим Муссолини. Приход дуче к власти произошел не в результате широко разрекламированного «марша на Рим», который на самом деле был фарсом, а с помощью активной поддержки Папы Римского, а также итальянского короля, армии, крупных землевладельцев и других столпов итальянской правящей элиты. Путем учреждения фашистской диктатуры эта элита пыталась подавить революционное движение, которое угрожало изменить коренным образом Италию и положить конец власти и привилегиям элиты страны. Благоприятное отношение Ватикана к фашизму также резко проявилось в конкордате, заключенном им с нацистской Германией еще 20 июля 1933, спустя лишь полгода после прихода Гитлера к власти. Это была инициатива кардинала Эудженио Пачелли, бывшего папского нунция в Германии, который позже стал Папой Пием XII. Этот конкордат стал первым крупным дипломатическим триумфом Гитлера, и это узаконило его режим в глазах католической части немцев; а также совершенно естественно было воспринято американскими като-

ликами как своего рода *Nihil obstat* («зеленый свет») для национал-социализма и фашизма в целом. Кроме того, многие влиятельные американские прелаты последовали примеру Ватикана и открыто провозгласили свои симпатии к Муссолини и Гитлеру; так было в случае с Джорджем Мунделейном, архиепископом Чикаго, и с Фрэнсисом Спеллманом, помощником епископа Бостона начиная с 1932 года, который затем стал известным архиепископом Нью-Йорка. Если католические американцы, как правило, имели благоприятное мнение о фашистских диктаторах, то, безусловно, это было потому, что католической церковной элите нравился фашизм, и она поддерживала его. Гораздо более важным, с нашей точки зрения, однако, является тот факт, что многие члены социальной, экономической и политической элиты США также проявили себя поклонниками Муссолини и Гитлера¹⁸.

Как и их немецкие «собратья», богатые и консервативные американцы первоначально с подозрением отнеслись к Гитлеру, плебейской выскочке, чья идеология называлась «*национал-социализмом*», чья партия определила себя как *Рабочая* партия, и кто говорил грозно об осуществлении «революционных» перемен. Однако опять же, подобно своим немецким «собратьям», они скоро поняли, что фашизм «тевтонского типа» Гитлера, как и любая другая разновидность фашизма, является не революционным, а консервативным и даже реакционным по своей природе и, следовательно, потенциально может быть чрезвычайно полезен для их целей. Более того, после массивной финансовой и политической поддержки со стороны немецкого эстеблишмента, которая сделала возможным приход Гитлера к власти¹⁹, американская и международные элиты обнаружили, к своему большому удовлетворению, что Гитлер в самом деле повел себя крайне консервативно в социальном и экономическом отношениях. Так называемая нацистская «революция» не сделала ничего угрожающего социальным и экономическим привилегиям немецких элит, а за потерю своей политической власти эти элиты получили более чем достаточную компенсацию в виде безжалостной ликвидации профсоюзов и всех левых политических партий. «Богемский Капрал», как президент Германии фон Гинденбург снисходительно называл Гитлера, прежде чем его полезность была открыта для себя немецким эстеблишментом, оказалось, не имеет ничего против принципа частной собственности – краеугольного камня капиталистической системы. Не случайно огромная надпись над главными воротами в концлагере Бухенвальд, где заключенные якобы «перевоспитывались» в духе доктрины национал-социализма, гласила: «*Jedem Das Seine*», то есть «каждому – свое».

Такой лозунг произвел бы хорошее впечатление на собственников, акционеров, и менеджеров бесчисленных фирм Америки, больших и малых. Большинство американских компаний переживали очень трудные времена в тридцатые годы, то есть во время тяжелого экономического кризиса, который вошел в историю как Великая депрессия. Вину за эти тяжелые времена часто возлагали на якобы «жадные» профсоюзы, на чернокожих, которые, как утверждалось, «крадут» рабочие места у белых, или на «алчных» евреев. Американцы, которые видели мир через такую призму, ощущали родственную душу в Гитлере, который так же обвинял «козлов отпущения» во всех бедах Германии, и, таким образом, они восхищались им как пронизательным человеком, политиком, который осмелился говорить правду, и лидером, который, не колеблясь, прибегал к жестким мерам, необходимым в данной ситуации.

На американских бизнесменов особое впечатление произвели два «достижения» Гитлера. Во-первых, после прихода к власти в начале 1933 года он сразу же запретил социалистические и коммунистические партии и распустил профсоюзы. Во-вторых, в течение последующих лет он вывел Германию из пустыни Великой депрессии с помощью необычных, но казавшихся очень эффективными методов, таких, как строительство автомобильных дорог и другие общественные работы, и, прежде всего, крупное перевооружение страны. Немецкий диктатор и его фашистские идеи особенно нравились и вызвали восхищение у собственников, менеджеров и акционеров тех американских предприятий, которые уже сделали значительные инвестиции в Германии или вступили в совместные предприятия или стратегиче-

ское партнерство с немецкими фирмами в 1920-х годах. Их немецкие дочерние компании и (или) партнерские фирмы, например: завод по розливу кока-колы в Эссене, автомобильный завод Opel General Motors в Рюссельсхайме недалеко от Майнца, завод Форда Ford-Werke в Кельне, объекты IBM в Берлине или печально известной немецкий партнер Standard Oil, IG Farben, процветали в годы гитлеровского режима, уничтожившего профсоюзы и вызвавшего поток заказов своей программой перевооружения, с которым можно было заключать все виды высокоприбыльных сделок благодаря услугам таких коррумпированных нацистских бонз, как Герман Геринг, недобросовестных банкиров, таких, как печально известный Яльмар Шахт, и финансовых учреждений в самой Германии или в Швейцарии²⁰. Немецкий филиал Coca-Cola, например, увеличил свои продажи с 243.000 ящиков в 1934 году до 4,5 миллиона ящиков к 1939. Этот успех во многом объяснялся тем, что, как объяснял любовавшийся Гитлером и подражавший ему национальный менеджер Макс Кит, безалкогольный напиток с кофеином показал себя функциональной альтернативой пиву для освежения рабочих в Германии, от которых требовалось, чтобы они «работали все упорнее и быстрее». В гитлеровском Третьем рейхе, где профсоюзы и политические партии рабочего класса были запрещены, рабочие «немногим отличались от крепостных, было запрещено не только бастовать, но и менять работу, и их заработная плата была преднамеренно довольно низкой». Это, как пишет Марк Пендерграст, в сочетании с увеличением объема продаж значительно повысило рентабельность Coca Cola, как и в случае со всеми корпорациями, которые действовали в Германии²¹.

Немецкий филиал Форда, Ford-Werke, который нес тяжелые финансовые потери в начале тридцатых годов, впечатляюще увеличил свою годовую прибыль под эгидой гитлеровского режима – с жалких 63,000 RM (рейхсмарок) в 1935 году до вызывающих уважение цифр в 1.287.800 RM в 1939-м. Этот успех объясняется не только прибыльными государственными контрактами в рамках гитлеровской программы перевооружения Германии, но и ликвидацией Гитлером профсоюзов и партий рабочего класса, что позволило сократить затраты на рабочую силу от 15 процентов всего объема бизнеса в 1933 году до всего лишь 11 процентов в 1938 году. Что касается общего объема активов Ford-Werke, они между 1933 и 1939 годами росли как грибы – с 25.8 до 60.4 миллионов RM. (Официальный обменный курс на то время был 2.5 RM за один доллар, а курс доллара в конце тридцатых годов был примерно в семь раз выше, чем в настоящее время).

Заводу Opel, принадлежавшему GM, в Третьем рейхе повезло еще больше. Доля компании Opel на германском автомобильном рынке выросла с 35 процентов в 1933 году до более чем 50 процентов в 1935 году, и немецкая дочерняя компания General Motors, которая несла потери в начале тридцатых годов, стала чрезвычайно прибыльной благодаря экономическому буму, вызванному программой перевооружения Гитлера. Прибыль в размере 35 млн. RM – почти 14 миллионов долларов! – была получена ею в 1938 году, через год после этого общая стоимость Opel оценивалась в 86.7 миллионов долларов, более чем в два раза больше суммы, которую GM вложила в фирму десятилетием ранее, а именно 33,3 млн. долларов²². «Немецкий филиал американского бизнеса, который несколько лет назад был почти банкротом, со временем превратился в курицу, несущую золотые яйца», – писал Генри Эшби Тернер, известный американский историк, которого General Motors попросила написать историю ее немецкого отделения во время Третьего рейха и который опубликовал книгу на эту тему²³.

В 1939 году, накануне войны, председатель General Motors Альфред П. Слоун публично защищал ведение бизнеса в гитлеровской Германии, указывая на высокорентабельный характер операций GM в Третьем рейхе. В том же году GM и Форд вместе контролировали 70 процентов немецкого автомобильного рынка и были готовы поставлять немецкой армии все виды оборудования, необходимые в предстоящей войне²⁴.

Еще одна американская корпорация, которая процветала в гитлеровском Третьем Рейхе, – это IBM. Ее немецкий филиал, Dehomag, поставил нацистам технологию перфокарт, предшественника компьютеров, необходимую для автоматизации производства в стране, начиная от хождения поездов по графику и кончая идентификацией евреев с целью конфискации их имущества и в конечном счете их уничтожения. Эдвин Блэк документально описал эту постыдную корпоративную сагу очень подробно в своей книге «IBM и Холокост». Однако все, что было важно для IBM, – это то, что в Германии она «делала деньги», и много денег. Уже в 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, Dehomag получила прибыль в размере \$ 1 миллиона, а в первые годы его правления немецкий филиал должен был заплатить IBM в Соединенных Штатах около 4,5 миллиона долларов в виде дивидендов. К концу 1938 года, когда депрессия еще была в полном разгаре, «чистая стоимость компании [Dehomag], по существу, выросла в два раза по сравнению с общим объемом инвестиций в 1934 году (с 7,7 миллионов до более чем 14 миллионов рейсхмарок), – пишет Блэк, – и ежегодный доход был в 2,3 млн. RM, или 16 процентов рентабельности чистых активов» В 1939 прибыль Dehomag снова впечатляюще увеличилась – до около 4 млн. RM²⁵. Если основатель и председатель IBM Томас Уотсон, как и многие другие американские магнаты с активами в Германии, восхищался Гитлером, то вовсе не из-за якобы неотразимого обаяния или харизмы фюрера, а просто потому, что с Гитлером можно было «делать бизнес», и потому, что ведение бизнеса с Гитлером было очень прибыльным. Многие американские корпорации впервые инвестировали в Германии, когда эта страна была еще парламентской демократией, известной как Веймарская республика. Тем не менее число американских инвестиций в Германии значительно выросло после прихода Гитлера к власти в 1933 году и преобразования демократической Веймарской республики в фашистскую диктатуру, известную как Третий рейх. Одной из причин для этого растущего как грибы американского капиталовложения было то, что прибыль, полученная зарубежными фирмами, уже не могла быть ими вывезена, по крайней мере, в теории. В действительности это эмбарго можно было обойти с помощью таких хитростей, как выписывание немецким филиалам счетов за «роялти» и всевозможных «сборов», как мы увидим позже. В любом случае это ограничение означает, что прибыль в значительной степени реинвестировалась в Германии, например, в модернизацию существующих объектов, в строительство или приобретение новых заводов, а также в покупку облигаций Рейха и приобретение недвижимости. IBM, например, реинвестировала свою значительную прибыль в новый завод в Берлин-Лихтерфельде, в расширение своих объектов в Зиндельфингене возле Штутгарта, в многочисленные филиалы по всему Рейху, и в покупку арендной недвижимости в Берлине и другого недвижимого имущества, и в значительные активы²⁶. Американское корпоративное присутствие в Германии, таким образом, продолжало расширяться при Гитлере, и ко времени Перл-Харбора общий размер американских инвестиций в гитлеровском Третьем Рейхе оценивался в 475 миллионов долларов²⁷. Элита около двадцати крупных и мощных американских корпораций получила огромные прибыли от связи с Германией в тридцатые годы. Эта элита включает Ford, GM, Standard Oil of New Jersey (по выражению Чарльза Хайэма, главный драгоценный камень в короне империи Рокфеллера, в настоящее время известный как Exxon)²⁸, Du Pont, Union Carbide, Westinghouse, General Electric, Goodrich, Singer, Eastman Kodak, Coca-Cola, IBM и – в последнюю очередь, но от этого не менее важную – ИТТ. Кроме того, американские корпорации также вложили сотни миллионов долларов в фашистскую Италию. Наконец, значительное число американских адвокатских контор, инвестиционных компаний и банков также активно и прибыльно участвовали в «инвестиционном наступлении» Америки в фашистских странах, среди них банки JP Morgan and Dillon, Read and Company, а также известная на Уолл-стрит юридическая фирма Sullivan and Cromwell. В числе «звезд» Sullivan and Cromwell были два брата, Джон Фостер и Аллен Даллес, о которых мы услышим позднее. Еще одним игроком в прибыльной инвестиционной

«игре» США в Германии (и наоборот) был относительно небольшой и малоизвестный банк под названием Union Bank of New York. Он был тесно связан с финансово-промышленной империей Тиссена, немецкого «стального барона», без значительной финансовой поддержки которого, как известно, Гитлер никогда не смог бы прийти к власти. Этим банком руководил Прескотт Буш, отец президента Джорджа Буша-старшего и дед президента Джорджа Дабл Ю Буша. Утверждают, что Прескотт Буш был также ярым сторонником Гитлера, которому он посылал деньги через Тиссена, и что он был вознагражден за это бизнес-сделками с фашистской Германией. Он заполучил много денег в этом процессе и использовал часть этой прибыли для того, чтобы обеспечить своему сыну Джорджу место в техасской нефтяной промышленности²⁹.

Гигантский трест Du Pont, финансовый родитель General Motors, инвестировал значительные средства в немецкую военную промышленность. Он также занимался контрабандой оружия и боеприпасов в Германию через Нидерланды и, возможно, получил прибыль больше, чем любая другая американская фирма от агрессивной политики Гитлера и его программы перевооружения. В этом контексте не удивительно, что председатель Du Pont обожал Гитлера. Однако так же, как Форд и Рокфеллер, он уже предоставлял щедрую финансовую поддержку нацистскому движению задолго до прихода Гитлера к власти в 1933 году. Другой американской корпорацией, которая пользовалась интимными отношениями с нацистским режимом, была ИТТ, чей основатель и президент, Сосфенес Бен, не скрывал своей симпатии к Гитлеру. (ИТТ сохранила свою склонность к фашистским диктаторам надолго после исчезновения Бена со сцены; ее связь с режимом Пиночета в Чили хорошо известна). Босс нефтяного гиганта Техасо, Торкилд Рибер, был еще одним влиятельным американским предпринимателем, который восхищался Гитлером, и он был также личным другом Геринга; под его руководством Техасо не только получала прибыль от всякого рода коммерческих сделок с фашистской Германией, но также помогла фашистам Франко победить в гражданской войне в Испании с помощью поставок нефти, которые противоречили американским законам о нейтралитете³⁰. Агент немецкой разведки сообщал о Рибере, что он был «абсолютно прогерманским» и «искренним поклонником фюрера»³¹.

Конечно, был и предел любви американских бизнесменов к Гитлеру и его нацистскому режиму. Например, как традиционные сторонники свободного предпринимательства, они были принципиально против того, что нацисты регламентировали деятельность фирм в Германии, в том числе американских дочерних компаний, например, путем ограничения репатриации прибыли, и того, что принадлежавшие германским собственникам предприятия часто пользовались привилегиями по сравнению с конкурирующими предприятиями американских и других иностранных владельцев. Но это были мелкие неприятности. Высшая заслуга Гитлера в глазах практически всех лидеров корпоративной Америки была в том, что благодаря буму перевооружения их немецкие активы принесли им огромные богатства, о которых они могли только мечтать в условиях американской депрессии, и что в Третьем рейхе их не беспокоили профсоюзы, ибо они, конечно же, мешали им дома. Забастовка в американском филиале в Германии сразу же вызвала вооруженную реакцию гестапо и волну арестов и увольнений, как это было на заводе Opel в Рюссельсхайме в июне 1936³².

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.